

Чи Синю приснился сон. Образы во сне были неустойчивыми и искаженными и могли быть распознаны только по общим знаниям; это, казалось, была лаборатория.

В холодной белизне раздался пронзительный сигнал тревоги, и кроваво-красный свет окутал всю сцену. Чи Синь не знала, кто она такая; в один момент она была ученым в белом халате и спешила, в другой - несчастным и стонущим объектом эксперимента, лежащим на кровати.

Что это было за место? Была ли это лаборатория, где содержался Цзин Сюбай?

Ее зрение внезапно изменилось; теперь она стояла посередине, и из ее рта раздался холодный мужской голос: "Я предупреждал вас, объект может контролировать умы. Я говорил тебе быть особенно осторожным, но он сбежал. Кто вчера был на дежурстве?"

Кто-то в белом халате дрожащим голосом ответил: "Это... Это был я..."

"Бах".

Чи Синь поднял руку мужчины и выстрелил в другого человека, прежде чем сказать: "Нам не нужны отходы".

Чи Синь вздрогнула, снова став свидетельницей смерти. Даже во сне она была напугана. Она посмотрела на руку, которую опустила, и в ослепительном свете на тонком мизинце блеснуло маленькое кольцо со змеей; голова змеи была соединена с хвостом, как будто она ела сама себя.

Сон снова изменился, и из темноты появилась пара холодных глаз, уставившихся на нее убийственным взглядом. Бледные руки протянулись, собираясь схватить ее...

Чи Синь внезапно открыла глаза. Она села на кровати, пытаясь глотнуть воздуха, и посмотрела на часы рядом с собой: 1:30 утра. Что это было за место в ее сне, кто говорил и кто сбежал? Это были не сцены из фильма, и разум Чи Синя был встревожен. Она встала и подошла к столу, прежде чем взглянуть на листок бумаги, на котором что-то написала.

Это был третий день с тех пор, как она попала в мир этого фильма о конце света. Она проверила свою стоимость проблем и не удивилась, увидев, что она была вычтена еще раз; теперь у нее было несколько жалких 62 балла, и она была на грани того, чтобы снова попасть под контроль системы.

Эти последние три дня она игнорировала любого, кто стучал в ее дверь, и заставляла себя делать две вещи, полагаясь только на еду, которую она запасла в комнате.

Первым делом нужно было тщательно вспомнить сюжет фильма и перечислить несколько основных событий, в которых она могла умереть, и подумать о контрмерах. В конце концов, в фильме оригинальный Чи Синь покинул базу L вместе с героем и его спутниками и участвовал в остальных приключениях.

Вторым делом она заставила себя вспомнить все подробности своего первого сражения. Бесконечный поток трупов, взрывающиеся головы, мозговые жидкости, вся кровь... В течение трех дней Чи Синь подавляла свой страх и вызывала эти образы снова и снова. Как бы она смогла выжить в таком опасном мире в будущем, если бы боялась зомби? Поэтому она заставила себя посмотреть правде в глаза.

Эффект был очевиден; сначала она бледнела и дрожала под одеялом, но теперь ей просто было немного не по себе. Ее миссия по десенсибилизации прошла успешно.

Прошло три дня, и значение проблемы вот-вот должно было упасть ниже проходной линии; пришло время выйти, чтобы заработать несколько очков.

Утром Чи Синь порылась в куче модной одежды в помещении и, наконец, выбрала ту, которую можно было надеть. Погода на краю света больше не имела никакой логики, и прямо сейчас температура была похожа на палящую июльскую жару. Чи Синь надела спортивный бюстгальтер и джинсовые ультра-шорты, демонстрируя свои длинные и подтянутые ноги, прежде чем оглядеться и найти большую белую рубашку, чтобы использовать ее в качестве прикрытия.

В ее запасах еды остался только один пакет с печеньем; на самом деле она не хотела его есть и вышла прямо в столовую базы.

В наши дни механизм выживания базы был похож на один большой общий котел. Каждый день небольшая команда выходила за едой. Они могли оставить себе часть своих находок, а остальное было организовано для общего питания и предметов первой необходимости для остальных выживших.

Чи Синь прошла мимо людей, которые уставились на нее, как только она вышла из своей комнаты со спокойным лицом, и, естественно, взяла тарелку, прежде чем встать в очередь за едой. Поскольку ее не было видно в течение трех дней, она сразу привлекла всеобщее внимание.

Не говоря уже о ее битве несколько дней назад, настоящая Чи Синь всегда смотрела свысока на большую кастрюлю риса раньше; мужчины, которых она соблазняла, давали ей ее любимую еду, и она никогда не появлялась в столовой. И когда она стояла в конце очереди, люди продолжали оглядываться на нее.

Чи Синь инстинктивно схватилась за лоб, чувствуя, что стала своего рода национальным достоянием. К сожалению, она не могла просто приказать людям игнорировать ее; хотя она была довольно застенчивой, Чи Синь сохраняла кажущееся спокойствие и игнорировала взгляды.

В последние дни не было ничего вкусного. Сегодня в столовой подавали едва заметный яичный суп и картофель. Чи Синь взяла свою еду и повернулась, чтобы найти место, как раз в тот момент, когда вошли Цао Цин и группа главных героев.

Чи Синь пока не хотела вступать с ними в конфронтацию, не раньше, чем она узнает, как следовать сюжету. Она просто взглянула на них и нашла свободное место, чтобы сесть на слегка мягкий, квадратный и высокий пластиковый табурет.

Четверо вновь прибывших сразу же заметили очень привлекательную Чи Синь. В последние дни, независимо от того, ссорились люди или нет, выражение лица у всех было привычно напряженным и, по-видимому, съжившимся. Но Чи Синь не была такой. У нее было красивое лицо, чистое тело, и когда она не дралась и не убивала, ее окружала спокойная аура, совсем как у молодой девушки, идущей на занятия после еды. Лицо Цао Цина сразу потемнело, и глаза Цзян Цунъюня тоже стали немного странными.

Цао Цин не мог подавить свой гнев; женщина, с которой он когда-то легко мог играть, стала Богом Войны прежде, чем он смог добраться до нее, и смутила его на публике. Увидев, что она стоит к ним спиной, Цао Цин сжала кулак, отбросила совет Цао Яня и подошла.

Чи Синь уже собиралась взять свою тарелку с супом, когда почувствовала сильный ветер, дующий из-за ее головы, направленный прямо на суп в ее руке. Прежде чем она успела подготовиться, все ее мускулы уже отреагировали на агрессию. Она подняла миску, уклонилась от удара и сильно прижала лодыжку Цао Цина к столу. Его лицо побледнело, и она низко пригнулась, когда он замахнулся кулаком ей в лицо.

Система позаботилась об этой контратаке, но этот человек пришел, чтобы снова создать проблемы. Чи Синь разозлилась и, уклонившись от его удара, подняла длинную ногу и ударила его коленом в живот.

“Ах!!”

Сила ноги Чи Синя могла отшвырнуть голову зомби высокого уровня, это было чудо, что тело Цао Цина все еще было прикреплено. Он закричал и упал на землю.

Чи Синь взяла свой табурет, повесила его себе на шею и небрежно села на него. Ее ноги были скрещены, и она грациозно забрала свою едва пролитую тарелку супа. Не обращая внимания на крики Цао Цин, она подняла свои спокойные глаза и серьезно сказала: “Нужно больше соли”.

Если не считать прерывистого голоса Цао Цина, в столовой на некоторое время воцарилась тишина. Все посмотрели на Чи Синь, сидевшую над головой мужчины, неторопливо пившую свой суп, и глубокое благоговение запечатлелось в их сердцах. Хотя она проявила огромную силу во время последней битвы, городская стена была далеко, и большинство выживших видели только тень ее движений; у них не было четкого понимания того, насколько она на самом деле сильна.

Но они знали о силе Цао Цина. Он был боксером еще до конца света; у него было полно мускулов, и двух или трех ударов было достаточно, чтобы снести голову зомби. Тем не менее, прямо сейчас он был придавлен Чи Синем, и с полученным ударом он, скорее всего, больше не мог сражаться.

Чи Синь молча выпила свой суп и откусила кусочек картофеля. Она была в хорошем настроении; ее значение проблемы только что увеличилось на 1 из-за этого небольшого инцидента. Оказалось, что избивание кого-то также может принести ей очки, и это дало ей пищу для размышлений.

В это время Сяо Ли и его товарищи также вошли в столовую. Они заметили Чи Синя с первого взгляда, и лицо Сяо Ли мгновенно покраснело. Под напором своих людей он с трудом сохранил самообладание и направился к девушке. Не глядя на Цао Цина, он тихо спросил: “Я не видел тебя несколько дней. Как у тебя дела?”

“Хм?” Чи Синь только что откусила полный рот картошки, и когда она повернулась, чтобы посмотреть на Сяо Ли, ее щеки надулись. Она с трудом прожевала и проглотила.

“Очень хорошо, только без еды”.

Сяо Ли наблюдал за ней; она, очевидно, была такой сильной, но ее глаза были невинными, а ее

жевательный вид был похож на маленькую белочку и ... милый. Сяо Ли почувствовал, что его сердце сильно ударило, и внезапно запнулся.

"Это... это хорошо". Идиот! Разве он не мог сказать что-нибудь интересное? Ему захотелось ударить самого себя.

Все забыли о бедном Цао Цине. В конце концов, добросердечная героиня больше не могла этого выносить; она взглянула на Цзин Сюбая, по-видимому, шокированная его равнодушным лицом, и шагнула вперед.

"Чи Синь". Цзян Цунъюнь сказал мягким голосом: "Цао Цин - брат Цао Яня, нехорошо так долго давить на него. Отпусти его."

Чи Синь подняла голову, это был первый раз, когда она по-настоящему смотрела на героиню. Как и в фильме, у Цзян Цунъюнь были мягкие брови и нежные глаза, и, несмотря на ее имперскую фигуру, ее персонаж пошел по пути исцеляющего ангела. И даже перед Чи Синем, который украл ее вещи, она смогла дать добрый совет.

"ой." Чи Синь не собиралась усложнять и без того ледяные отношения. Как только Цзян Цунъюнь закончила говорить, она послушно встала и убрала свой табурет от головы Цао Цина. Цзян Цунъюнь был немного удивлен ее послушным поведением и моргнул, когда она поняла, что так легко достигла своей цели.

Эта сцена попала в глаза Сяо Ли, и его сердце снова сжалось. Действительно... так мило.

Несмотря на то, что табурет был убран, Цао Цин потребовалось много времени, прежде чем встать. Он схватился за живот и ахнул, глядя на всех с горьким выражением на лице.

"Цзян Цунъюнь, разве она не забрала твои вещи? Почему ты так добр к своему хулигану?" Цао Цин отшвырнул табуретку ногой. Он почувствовал острую боль и снова попытался устоять на ногах.

"Чи Синь полагалась на то, что ты был ее одноклассником, чтобы забрать твои припасы, когда у нее, очевидно, есть возможность собрать их самой!"

Чи Синь забыла, что в фильме была такая вещь. Она почесала щеку, наблюдая за несчастным выражением лица Цзян Цунъюня.

"Я могу объяснить..." - нерешительно сказала она.

"Оставь это на потом".

Цзин Сюбай и Юй Сян подошли. Герой откуда-то раздобыл новую пару очков, почти идентичных его оригинальным.

Юй Сян ободряюще посмотрел на нее, и Цзин Сюбай сказал: "Чи Синь, мы можем поговорить?"

Он не выглядел так, будто хотел затеять драку, и его тон был несколько нормальным. После некоторого колебания Чи Синь наконец кивнула: "Да".